

Максим Козлов

Сломанные крылья

Максим Козлов

Сломанные крылья

«Автор»

2026

Козлов М.

Сломанные крылья / М. Козлов — «Автор», 2026

Виктор Ракитин был пилотом первого класса, пока авиакатастрофа не отняла у него всё: обе ноги выше колена, семью, профессию, смысл жизни. Два года он пролежал в больнице, глядя в белый потолок. Врачи сказали: «Вы никогда не будете ходить». Жена ушла. Дети отвернулись. Оставалось только ждать конца. Но однажды он увидел по телевизору репортаж о девушке без рук, которая рисует ногами. И подумал: если она смогла, почему он не может? С этого вопроса начался его путь обратно — через боль, падения и самодельные протезы, собранные из больничных костылей, велосипедных тормозов и старых покрышек. Три шага. Десять. Сто. А потом — возвращение в небо. «Сломанные крылья» — это история о том, что физические ограничения не определяют человека. О том, что надежда — не вера в чудо, а упорный труд и отказ сдаваться. О цепочке людей, которые спасают друг друга, даже не зная об этом.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белый потолок	5
Железо и кость	13
Три шага и пропасть	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Козлов

Сломанные крылья

Белый потолок

Потолок был белым. Он был белым уже два года. Не просто белым, а выцветшим, с микроскопической сеткой трещин в левом углу над окном, которую Виктор изучил лучше, чем линии на собственных ладонях. Трещина номер один шла от вентиляционной решетки к люстре и напоминала русло пересохшей реки Амазонки, которую он когда-то видел с высоты одиннадцати тысяч метров. Трещина номер два была тоньше, она раздваивалась, как змеиный язык. Трещина номер три никуда не вела. Она просто была.

Он лежал и думал о том, что человек может лежать очень долго. Дольше, чем ему кажется. Дольше, чем позволяют врачи. Дольше, чем позволяет сама жизнь. Можно лежать год, два, десять лет и смотреть в потолок, и если потолок достаточно интересный, этого хватит. Но его потолок не был интересным. Он был просто старым советским потолком с побелкой, которую не меняли с момента постройки больницы, а больницу построили при Брежневе. Тогда еще летали другие самолеты, и Виктор был молод и верил, что небо принадлежит ему.

Теперь ему принадлежал только этот квадрат побелки два на два метра и еще окно, которое выходило на парковку для скорых. Иногда он слышал сирены. Сначала сирены заставляли его вздрагивать — рефлекс пилота, привыкшего к звуковым сигналам опасности. Теперь он их не замечал. Человек привыкает ко всему, даже к аду. Особенно если ад выглядит как больничная палата с советским потолком.

За два года он научился различать шаги медсестер. У Зинаиды шаг был тяжелый, шаркающий — она весила сто килограмм и носила ортопедическую обувь, которая скрипела на линолеуме с частотой раз в полторы секунды. У Леночки — легкий, быстрый, она носила кроссовки на мягкой подошве, и ее приближение можно было угадать только по звону инструментов на каталке. У санитаря Василия шагов не было слышно вообще — он передвигался как призрак и появлялся всегда неожиданно, отчего Виктор каждый раз вздрагивал, хотя, казалось бы, за два года можно привыкнуть.

Сегодня дежурила Зинаида. Он слышал, как она идет по коридору — шарк-шарк, пауза, скрип двери в седьмую палату, голос: «Иваныч, просыпайся, укол», шарк-шарк дальше. Сейчас она войдет к нему.

Он лежал и смотрел в потолок и ждал укола. Это было единственное событие дня — утренний укол, обед, вечерний укол, отбой. Между ними были промежутки, заполненные ничем. В эти промежутки он думал.

Думать было плохо. Лучше было не думать. Когда ты не думаешь, ты просто существуешь, как растение на подоконнике — герань, которую иногда поливает Леночка. Герань не думает о том, что она герань и что ее жизнь проходит на больничном подоконнике. Герань просто растет и цветет мелкими розовыми цветочками, которые пахнут детством и бабушкиной квартирой где-то в Подольске. Виктор тоже хотел бы пахнуть детством, но от него пахло больницей — хлоркой, старыми бинтами, застоявшимся воздухом и еще чем-то неуловимым, что бывает только в палатах для лежачих больных.

Дверь открылась. Зинаида вплыла в палату, как айсберг — медленно и неотвратно. В руках у нее был поднос с шприцом и ваткой, пропитанной спиртом.

— Викторыч, просыпайся, — сказала она, хотя он не спал. Она всегда говорила «просыпайся», даже если он смотрел на нее открытыми глазами.

— Я не сплю.

— А я говорю просыпайся. Давай руку.

Он протянул левую руку. Правую кололо уже неделю, и вена на ней вздулась синим узлом. Зинаида ловко, как мясник, нащупала вену, протерла ваткой и всадила иглу. Было больно, но он давно перестал замечать эту боль. Была другая боль, которая приходила по ночам, когда фантомные ноги начинали гореть и чесаться, и он пытался их почесать, но руки хватали пустоту. Это было хуже всего — когда чешется то, чего нет. Мозг отказывается верить, что конечности больше не существует, и посылает сигналы, и ты чувствуешь пятку, чувствуешь, как пальцы ног сводит судорогой, как болит колено, которое разmozжило при ударе о землю, — но ничего этого нет, есть только обрубки, замотанные в бинты, и боль, которую не снять никаким анальгином.

— Сегодня к тебе посетитель, — сказала Зинаида, выдергивая иглу.

Виктор повернул голову. Это было неожиданно. К нему давно никто не приходил.

— Кто?

— Не знаю. Какая-то женщина. Сказала, что придет после обеда.

Зинаида вышла так же величественно, как вошла, оставив после себя запах пота и дешевых духов «Красная Москва». Виктор снова остался один с потолком.

Посетитель. Женщина. Это не могла быть Лена — Лена не придет, она ушла год назад, когда врачи сказали, что он никогда не будет ходить. Она ушла не сразу. Сначала она приходила каждый день — сидела у кровати, плакала, держала его за руку, говорила что-то ободряющее, но в глазах у нее был страх. Потом через день. Потом раз в неделю. А потом пришла с адвокатом и документами на развод.

Он помнил этот разговор. Вернее, он помнил отдельные фразы, которые до сих пор крутились в голове, как заевшая пластинка. «Витя, я больше не могу». «Детям нужен отец, а не инвалид в коляске, которого они стыдятся». «Врачи сказали — ты никогда не встанешь. Никогда, понимаешь? Я не готова посвятить остаток жизни уходу за парализованным». Она говорила, а он смотрел в потолок и молчал. Что он мог сказать? Что он обязательно встанет? Что он будет ходить? Что он снова будет летать? Это были пустые слова, а Лена всегда была практичной женщиной. Она вышла замуж за пилота первого класса, за героя, который сажал самолеты в грозу и на обледенелые полосы, а осталась с обрубком человека, который даже в туалет сам сходить не может.

Он подписал документы не глядя. Зачем читать? Там было написано одно и то же: раздел имущества, алименты, отказ от претензий. Ему не нужно было имущество. Ему нужно было небо, а небо у него отобрали вместе с ногами.

Дети. Сын Андрей, четырнадцать лет, и дочь Маша, десять. Они пришли один раз через три месяца после катастрофы. Стояли в дверях палаты и смотрели на него, как на чужого. Маша заплакала, уткнулась в Лену. Андрей сказал: «Пап, ты как?» — и тут же отвел глаза. Он не знал, как смотреть на отца, у которого ноги заканчиваются выше колен и который лежит на кровати, как сломанная кукла. Больше они не приходили. Лена потом сказала, что им тяжело, что детская психика не готова к такому зрелищу, что психолог посоветовал оградить детей от травмирующего опыта. Травмирующий опыт. Красивое словосочетание. Он сам был теперь сплошным травмирующим опытом.

Если это не Лена, то кто? Может, из авиакомпании? Приходили пару раз — следователи, страховые агенты, какой-то чиновник из профсоюза, который долго мялся и говорил о компенсации. «Вы герой, Виктор Сергеевич. Вы спасли четырнадцать человек. Мы все вами гордимся». Гордость. Гордость не помогает встать с кровати. Гордость не заменяет ноги. Гордость — это просто слово из четырех букв, которое ничего не значит, когда ты лежишь и смотришь в потолок.

Обед принесли ровно в час. Суп-пюре из кабачков, который он ненавидел, и котлета с картофельным пюре. Кормили с ложки — сам он есть мог, но было неудобно в лежачем

положении, и суп проливался на подбородок. Леночка кормила его молча, аккуратно поднося ложку, и он ненавидел себя за эту беспомощность. Он, пилот первого класса, который управлял многотонной машиной на скорости девятьсот километров в час, не мог сам донести ложку до рта, не расплескав.

— Леночка, — сказал он. — Мне бы сесть. Хотя бы в коляску.

— Вам нельзя, Виктор Сергеевич. Врач сказал — культы еще не готовы к нагрузкам.

— Два года прошло. Какие еще нагрузки?

— Я не знаю, Виктор Сергеевич. Я только медсестра. Хотите, я позвоню Петру Ивановичу?

Петр Иванович был лечащим врачом. Он приходил раз в месяц, смотрел карту, щупал культы, качал головой и говорил: «Ну что вы, батенька, какие протезы? У вас культы слишком короткие, там и крепить-то не к чему. Живите спокойно, пенсия у вас хорошая, государство вас не оставит». И уходил, оставляя после себя запах трубочного табака и безнадежности.

— Не надо звонить, — сказал Виктор.

После обеда он снова смотрел в потолок. Дождь начался — за окном потемнело, капли забарабанили по жестяному отливу. Звук дождя напоминал ему о полетах в плохую погоду — как капли барабанили по остеклению кабины, когда они проходили грозовой фронт, как штурвал дрожал в руках, как он успокаивал второго пилота: «Спокойно, Костя, проскочим». Они всегда проскакивали. До той ночи.

Он запрещал себе думать о той ночи. Это было нельзя — там, в воспоминаниях, открывалась черная дыра, в которую он мог провалиться и не выбраться. Но иногда, против воли, картинки всплывали: ослепительная вспышка молнии, отказ левого двигателя, вой сирены, крик второго пилота: «Командир, мы падаем!», и его собственный голос, спокойный до жути: «Держи штурвал, Костя. Садимся на лес. Передай диспетчеру координаты». Он помнил каждую секунду — как самолет клюнул носом, как верхушки сосен чиркнули по днищу, как он пытался выровнять машину, понимая, что не успевает. Он успел. Почти успел — самолет развалился на три части, но взрыва не было, и четырнадцать человек в хвостовой части остались живы. А его зажал в кабине, и когда спасатели вырезали его автогенном, обе ноги превратились в кровавое месиво.

Ампутация была неизбежна. Обе ноги выше колена. Он узнал об этом, очнувшись через неделю после операции. Сначала он не поверил — попытался пошевелить пальцами ног, и мозг сказал: «Они шевелятся». Но когда он посмотрел вниз, увидел плоскую простыню там, где должны были быть его ноги.

Он не кричал. Он просто закрыл глаза и попытался умереть. Не получилось.

Дверь открылась. Он думал, что это Зинаида с вечерним уколом, но это была не она. В палату вошла женщина — невысокая, в сером пальто, с мокрым от дождя зонтом в руке. Она остановилась в дверях, словно не решаясь войти.

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — сказала она. — Вы меня не знаете. Меня зовут Анна. Я жена... я была женой вашего второго пилота.

Он повернул голову. Второй пилот. Костя. Константин Алексеевич Рябинин. Двадцать семь лет. Погиб на месте — остекление кабины вошло внутрь при ударе.

— Проходите, — сказал он. Голос прозвучал хрипло — он давно ни с кем не разговаривал подолгу.

Анна прошла и села на стул у кровати. Стул был железный, с продавленным сиденьем, на нем сидели все посетители за два года — следователи, страховщики, Лена. Анна положила мокрый зонт на пол и посмотрела на него. Глаза у нее были серые, как дождь за окном.

— Я долго не решалась прийти, — сказала она. — Больше двух лет прошло. Но мне нужно было... Я хотела спросить.

— Спрашивайте.

— Как он умер? Костя? Я знаю официальную версию — отказ двигателя, вынужденная посадка. Но мне нужно знать... Он мучился?

Виктор закрыл глаза. Вот оно что. Она хочет знать, страдал ли ее муж в последние минуты. Хочет деталей. Хочет картинку, которую сможет уложить в голове, чтобы перестать представлять худшее.

— Нет, — сказал он. — Он не мучился. Удар был мгновенный.

Это была ложь. Костя кричал. Он кричал до самого конца, пока ветка сосны не пробила остекление. Но зачем ей знать это? Пусть думает, что он умер быстро и без боли. У живых должно оставаться хоть что-то хорошее.

Анна выдохнула, и плечи ее опустились, будто с них сняли невидимый груз.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам. Вы спасли четырнадцать человек. И я знаю, что Костя... он гордился бы вами.

— Костя сам был отличным пилотом. Это он передал координаты диспетчеру. Без него нас бы не нашли.

Они помолчали. Дождь за окном усилился — теперь это был ливень, хлеставший по стеклу косыми струями. Погода была нелетная. Раньше в такую погоду он сидел в диспетчерской, пил чай и ждал, когда дадут разрешение на взлет. Теперь он лежал и смотрел, как капли стекают по стеклу, оставляя извилистые дорожки.

— Как вы здесь? — спросила Анна. Это был вежливый вопрос, на который не требовалось отвечать честно.

— Нормально. Лечусь.

Она посмотрела на его ноги — вернее, на то место, где они должны были быть, — быстро отвела взгляд и покраснела. Все краснели, когда первый раз видели его таким. Даже врачи, хотя они-то должны были привыкнуть.

— А вы знаете, — сказала Анна, доставая из сумки планшет, — я принесла вам кое-что. Я не знаю, интересно ли вам это будет, но... Вот.

Она включила планшет, нашла какое-то видео и протянула ему. Виктор взял планшет — руки у него работали нормально, спасибо хоть на этом, — и увидел заставку какой-то передачи. «Новости. Специальный репортаж».

— Что это?

— Посмотрите. Я случайно увидела вчера и подумала о вас.

Он нажал на воспроизведение. На экране появилась ведущая — молодая, с натянутой улыбкой, — и заговорила бодрым голосом, от которого у Виктора сразу заболели зубы.

«Они говорят — невозможное возможно. Они ломают стереотипы и доказывают, что человеческие возможности безграничны. Сегодня наш репортаж о людях, которые не сдались. Которые нашли в себе силы жить дальше, несмотря на тяжелейшие травмы».

Камера переехала в мастерскую — светлую комнату с мольбертами и развешанными по стенам картинами. И там, в центре комнаты, сидела девушка. У нее не было рук — обе руки отсутствовали от плеча, — и она рисовала ногами. Она сидела на низком стульчике, держа кисть пальцами правой ноги, и водила ею по холсту — ловко, уверенно, как опытный художник.

Виктор смотрел, не отрываясь. Девушка на экране наклонялась к холсту, поправляла мазок, меняла кисть — все это пальцами ног, которые двигались с поразительной точностью. Она улыбалась — не натужно, как ведущая, а искренне, легко. Она что-то говорила журналисту, но Виктор не слышал слов. Он смотрел на ее ноги — обычные человеческие ноги, которые делали то, что у большинства людей не получается даже руками.

«Я не считаю себя инвалидом, — говорила она в камеру. — У меня просто нет рук. Но это не значит, что я не могу жить полноценной жизнью. Я рисую, я готовлю еду, я печатаю на компьютере. Всё это ногами. Просто нужно было научиться. Ноги — это те же руки, только внизу. Ими можно делать всё».

Ведущая снова возникла в кадре: «Удивительная история! Алина с детства мечтала стать художницей и не позволила физическому недостатку сломать свою мечту. Ее работы выставляются в галереях, а сама она стала символом...»

Виктор выключил видео. В палате стало тихо. Анна смотрела на него выжидающе.

— Зачем вы мне это показали? — спросил он.

— Не знаю. Мне показалось... Вы пилот. Вы не можете без неба. И я подумала, может быть, вы тоже найдете способ...

— Она рисует ногами. У нее есть ноги. У меня их нет.

— Я понимаю. Но суть ведь не в ногах. Суть в том, что она не сдалась.

— А я сдался?

Анна промолчала. И это молчание было громче любых слов.

Она ушла через полчаса — оставила на тумбочке апельсин и пачку печенья, попрощалась, сказала, что зайдет еще, если он не против. Он был не против. В конце концов, это был первый посетитель за много месяцев, и ее присутствие — даже молчаливое — разбавило пустоту палаты.

Но после ее ухода что-то изменилось. Виктор лежал и смотрел в потолок, но теперь он не просто смотрел — он думал. Не о прошлом, не о катастрофе, не о Лене. Он думал о девушке без рук, которая рисует ногами.

«Ноги — это те же руки, только внизу. Ими можно делать всё».

Если у нее нет рук, и она рисует ногами, то почему у него нет ног, но он не может ходить на протезах?

Это была странная мысль. Она пришла ниоткуда и зацепилась где-то в глубине сознания, как рыболовный крючок. Он попытался отмахнуться от нее, но она возвращалась снова и снова.

«Ваши культы слишком короткие. Протезы не будут держаться. Смиритесь».

Смиритесь. Это слово он слышал от врачей, от жены, от своей собственной слабости. Смирение — это добродетель, так говорила мама. Но мама умерла, а добродетель не помогла ему сесть в коляску.

Ночью, когда в палате погасили свет и только дежурная лампа в коридоре бросала желтую полоску под дверь, он лежал без сна. Дождь кончился, облака разошлись, и в окно заглядывал серп месяца — тонкий, как лезвие. Такой же месяц был в ночь катастрофы — он помнил, как серебристый свет отражался от крыла самолета.

Если у нее нет рук, и она делает всё ногами...Если бы у него были протезы, он мог бы ходить...Но врачи сказали, что культы слишком короткие. Что протезы не будут держаться.

А если сделать другие протезы? Не такие, как у людей? Если переделать?

Он вспомнил собаку, которую видел в детстве. Дворняга по кличке Дым — ей поездом отрезало задние лапы по самое туловище, и хозяин, дед Павел, смастерил ей тележку на колесах, и Дым гонял по деревне быстрее всех собак. У него были очень короткие культы — по сути, их не было вовсе. Но дед придумал крепление, которое обхватывало туловище, и тележка держалась.

Можно ли сделать такое для человека?

Он одернул себя. Что за глупости? Он пилот, а не инженер-протезист. Он не понимает в биомеханике. Он не разбирается в материалах. Но девушка, которая рисует ногами, тоже не была художницей с рождения — она научилась. Почему он не может научиться ходить?

Ночь тянулась бесконечно. Виктор ворочался в кровати, насколько это возможно, когда у тебя нет ног, и мысли крутились в голове, как двигатель на холостом ходу. Он вспоминал устройство шасси — как стойки выпускаются и убираются, гидравлика, амортизаторы, подкосы. Он знал устройство самолета до последнего винтика, но ничего не знал о протезах. Но принцип тот же — механизм, который принимает нагрузку и передает ее на опору.

Главное — крепление. Если культы короткие, нужно крепить выше, к тазу. Использовать корсет, который будет держаться на поясице. Петли, ремни, шарниры. Велосипедный тормоз — там тросик передает усилие, почему бы не использовать такой же для коленного сустава? Искусственная стопа — можно сделать из дерева, как в старину, или из пластика.

Он не заметил, как уснул. Ему снились чертежи — странные, угловатые конструкции, которые ползали по бумаге, как пауки.

Утром он попросил у Зинаиды газету и карандаш.

— Газету? Зачем тебе? — удивилась она.

— Кроссворды разгадывать.

— Так ты ж никогда не разгадывал.

— Теперь буду.

Зинаида пожала плечами и принесла вчерашнюю «Вечерку». Карандаш нашелся у Леночки — простой, тупой, но для начала сгодится.

Виктор положил газету на тумбочку, подтянулся на руках повыше и начал рисовать. Руки дрожали — два года без нагрузки давали о себе знать, мышцы атрофировались, — но контуры проступали. Он рисовал таз, культю, приемную гильзу. Рисовал коленный шарнир — простая петля с ограничителем хода, как на велосипедном тормозе. Рисовал стопу — деревянная платформа с резиновой накладкой от старой покрышки.

Чертеж был корявым, непрофессиональным, но он был. Впервые за два года он создавал что-то новое, а не просто лежал и ждал смерти.

Через неделю он попросил Леночку принести ему старые журналы — любые, какие есть. Она принесла стопку «Науки и жизни» за девяностые годы и несколько номеров «Юного техника». Он изучал их с жадностью, выискивая статьи о механике, о материалах, о протезировании. Статья о протезировании нашлась в номере за 1994 год — короткая заметка о немецких разработках, модульные протезы с микропроцессорным управлением. Виктор прочитал ее три раза и понял, что ничего не понял. Это была высшая математика, а ему нужна была арифметика.

Арифметику он нашел в интернете. Вернее, интернет нашелся у санитара Василия — у него был старенький смартфон с допотопным 3G. Виктор попросил зайти в Сеть и найти «чертежи протезов». Василий долго возился с поиском — он вообще был медлительным, — но в конце концов принес телефон с открытой страницей.

— Тут какая-то фигня про собак, — сказал он. — Может, не то?

— Покажи.

Это было именно то, что нужно. Английская статья о протезировании собак с короткими культями. У собак после ампутации часто остаются очень короткие обрубки — как у него, — и ветеринары разработали специальные протезы с креплением через грудную клетку и спину. Принцип был прост: если не хватает длины рычага, нужно увеличить площадь опоры выше.

Виктор перерисовал схему в свою газету, адаптируя под человеческую анатомию. Вместо грудной клетки — тазовый пояс. Вместо спинного крепления — корсет с плечевыми лямками. Шарниры — на петлях от старых велосипедных тормозов, которые можно найти на любой свалке. Стопа — брусок дерева, обмотанный резиной.

Это было безумие. Он понимал это даже сейчас, глядя на свой чертеж. Ни один врач не разрешит ему использовать самодельный протез. Ни один нормальный человек не поверит, что это сработает. Но он не был нормальным человеком — он был пилотом, который посадил падающий самолет на лес. И если он смог сделать это, почему он не сможет сделать несколько шагов?

В тот же день он попросил Зинаиду позвонить в центр протезирования.

— Куда? — переспросила она, вытирая руки о халат.

— В центр протезирования. Улица Академика Павлова. Телефон должен быть в справочной.

— Господь с тобой, Викторыч, чего ты удумал? Тебе же врачи сказали...

— Позвоните, Зинаида Петровна. Пожалуйста.

Она посмотрела на него долгим взглядом — в нем читалось и сочувствие, и раздражение, и что-то похожее на уважение, — и вышла. Через полчаса она вернулась с бумажкой, на которой был записан номер.

— Сказали, ждут тебя в среду. Но нужен транспорт. Как ты поедешь?

— На скорой. Или на такси. Вы мне поможете?

Зинаида вздохнула. Этот вздох означал многое — что она считает его сумасшедшим, что ей жалко тратить время, что у нее своих забот полон рот, но что она поможет, потому что она хорошая женщина, несмотря на сто килограмм и ортопедическую обувь.

— Помогу. Только не реви, если ничего не выйдет.

— Не буду, — пообещал он.

В среду с утра его переодели в больничную одежду — серую фланелевую рубашку и такие же штаны, которые были пусты ниже колен и выглядели мешковато и жалко. Два санитары переложили его на каталку и повезли к выходу. Он не был на улице два года — и когда двери больницы открылись, его ударил в лицо свежий ветер с запахом осенних листьев и бензина.

Небо было синее. Высокое, прозрачное, с редкими белыми облаками — кучевка, как говорили пилоты, — и идеальной видимостью. Летная погода. Он зажмурился от яркого света и от того, что небо было слишком большим и слишком близким. Оно было таким всегда, но он забыл это за два года под белым потолком.

В центре протезирования пахло пластмассой и новой обувью. Это был современный корпус с пандусами и автоматическими дверями — построенный для таких, как он. В коридорах попадались люди в инвалидных колясках, люди на костылях, люди с протезами — кто-то шел уверенно, почти как здоровый, кто-то ковылял, держась за поручни. Виктор смотрел на них и пытался представить себя среди них. Идущим. Просто идущим.

Профессор оказался пожилым мужчиной с бородкой клинышком и золотыми очками на цепочке. Он долго изучал карту, принесенную из больницы, разглядывал рентгеновские снимки на свет, цокал языком и качал головой. Потом ощупал культы — сухие, холодные пальцы скользнули по коже, — и снова покачал головой.

— Виктор Сергеевич, вы должны понимать ситуацию, — сказал он, снимая очки и протирая их платком. — Ваши культы экстремально короткие. Левая — семь сантиметров от тазобедренного сустава, правая — восемь. Этого недостаточно для надежного протезирования. Приемная гильза просто не сможет зафиксироваться — будет соскальзывать при нагрузке.

— А если сделать крепление выше?

— Выше? Куда выше? Выше только таз. Но гильза на тазу будет ограничивать подвижность позвоночника. Вы не сможете наклоняться. Каждый шаг будет причинять боль. И в конце концов вы упадете и получите перелом шейки бедра, а это в вашем положении практически приговор.

— Значит, никак?

— Никак, — профессор развел руками. — Я понимаю ваше желание, но медицина не всемогуща. Есть случаи, когда протезирование невозможно. Вы — один из таких случаев. Поверьте моему опыту — тридцать лет в протезировании. Живите спокойно. Кресло-коляска с электроприводом, хороший пандус в квартире, социальный работник — государство обеспечит. Вы заслужили отдых.

Виктор молчал. Он смотрел на профессора и видел перед собой не врача, а стену. Такую же белую и глухую, как больничный потолок. Профессор был уверен в своей правоте — трид-

цать лет опыта, сотни пациентов, научные статьи. Он знал всё о протезировании. Но он не знал одного — каково это, лежать два года и смотреть в белый потолок.

— Спасибо, — сказал Виктор. — Я понял.

На обратном пути он молчал. Зинаида что-то говорила — кажется, о том, что погода портится, или о том, что в больнице опять задержали зарплату, — но он не слушал. Он смотрел в окно маршрутки и думал о собаке Дыме, у которой задние лапы были отрезаны по самое туловище, но она бегала. Бегала быстрее всех собак в деревне, хотя никакой профессор не дал бы ей и шанса.

Вечером, когда принесли ужин, он не стал есть. Он попросил у Леночки еще бумаги и заточить карандаш. И начал рисовать заново — не так, как советовали умные статьи из интернета, а так, как подсказывала интуиция.

Корсет из плотной ткани. Алюминиевые стойки — можно выточить из старых костылей, которые валяются в больничной кладовке. Коленный шарнир — велосипедный тормоз. Стопа — вырезать из фанеры и обмотать резиной от старой покрышки. Крепление к культе — бандаж на липучках, обхватывающий таз.

Он рисовал до глубокой ночи. Рука болела, карандаш крошился, но линии ложились на бумагу ровнее и увереннее, чем неделю назад. Чертёж получался грубым, кустарным, но в нем была внутренняя логика. Механика, которую он понимал. Законы физики — рычаг, нагрузка, точка опоры. Всё то, чему его учили в летном училище сорок лет назад.

Уснул он под утро, и ему снова снились облака. На этот раз он не падал, а летел — ровно, уверенно, держа штурвал. Во сне у него были ноги, и он нажимал на педали, чувствуя, как самолет послушно отзывается на каждое движение.

Проснулся он в семь утра от скрипа двери — Зинаида пришла с уколом. За окном занимался серый осенний рассвет, моросил мелкий дождь, но он не видел этого. Он видел другое — свой чертёж на тумбочке и жирную линию, обводящую искусственную стопу.

Он сделает это. Даже если никто не верит. Даже если профессор сказал «невозможно». Даже если ноги отрезаны по самое некуда.

Потому что девушка без рук рисует ногами. Собака с перебитым позвоночником бежит на тележке. А он, пилот первого класса, который посадил самолет в лес, сможет сделать три шага.

Всего три шага.

Для начала хватит.

Железо и кость

Утро началось с того, что Зинаида принесла ему старые костыли. Они лежали в больничной кладовке с незапамятных времен — алюминиевые, с облезлой краской и стертыми резиновыми наконечниками, — и когда Виктор попросил их, Зинаида долго на него смотрела, как смотрят на человека, который вдруг заговорил на незнакомом языке. Но промолчала. За два года она привыкла, что пациент из седьмой палаты иногда выкидывает странные номера — то газеты с карандашами требует, то телефон просит для выхода в интернет. Костыли так костыли. Она приволокла их, грохоча по линолеуму, и свалила в углу у кровати.

— Держи, Викторыч. Только не знаю, зачем они тебе. Ты ж не можешь на них...

— Не могу, — согласился он. — Но алюминий хороший.

Зинаида перекрестилась — скорее по привычке, чем от испуга, — и вышла, оставив его наедине с добычей. Он дотянулся до костылей, подтянул один к себе на кровать. Алюминиевая трубка была холодной на ощупь и пахла пылью и старым лаком. Где-то внутри, если стукнуть по ней ногтем, отзывался глухой звон — как в самолетной переборке.

Он начал разбирать костыль. Это было трудно — одной рукой держать, второй откручивать винты, а винты прижавели и не поддавались. Он пыхтел, ругался сквозь зубы, пот заливал глаза, но через час первый костыль был разобран на составные части: две алюминиевые трубки разного диаметра, крепежные скобы, деревянная ручка и резиновый наконечник. Он разложил это богатство на одеяле и начал прикидывать, что можно использовать для протеза.

Трубки пойдут на несущие стойки. Скобы — на крепление гильзы. Наконечник можно надеть на искусственную стопу для сцепления с полом. Ручку он пока отложил — пригодится.

Это была работа вслепую. У него не было мастерской, не было инструментов, не было даже нормального верстака — только больничная койка и тумбочка. Но он помнил, как в детстве они с отцом чинили велосипед во дворе — на земле, с минимумом инструментов, и ничего, получалось. «Если руки из нужного места, инструмент найдется», — говорил отец. Руки у Виктора были целы. Остальное приложится.

Он попросил у санитаря Василия пассатижи и отвертку. Василий долго чесал затылок — ему запрещалось давать пациентам острые предметы, — но потом махнул рукой.

— Только чтоб сестра не видела, — сказал он. — И чтоб не порезался. А то меня ж уволят.

— Не порежусь.

Пассатижи оказались ржавыми и тугими, но это было лучше, чем ничего. Отвертка тоже была не подарок — со стертым жалом, которое срывалось с винтов, — но он приноровился. Он вообще ко многому приноровился за эти два года. Человек, который научился мочиться в утку, не поворачиваясь на бок, может научиться чему угодно.

К вечеру у него был готов первый узел — коленный шарнир. Он сделал его из двух скоб от костыля, соединенных болтом. Болт позаимствовал из больничной кровати — там их было много, лишних, и один можно было выкрутить без ущерба для конструкции. Шарнир двигался туго, со скрипом, но двигался. Это было главное — он работал. Как закрылок на крыле — туго, но верно.

Он положил шарнир на тумбочку и долго смотрел на него. Маленькая железка, кривая, царапанная, с ржавым болтом. Но она сгибалась и разгибалась, как колено. Как его колено, которого больше не было.

Ночью он не мог уснуть. Думал о приемной гильзе. Это была самая сложная часть — та, что должна обхватывать культю и передавать нагрузку на протез. Профессор сказал: «Гильза не сможет зафиксироваться, будет соскальзывать». И он был прав, если делать стандартную гильзу — пластиковый стакан, который надевается на культю. Но если культя короткая, стакану

не за что держаться. Значит, нужна не гильза, а корсет. Что-то, что обхватит не только бедро, но и таз. Как ортопедический пояс при грыже позвоночника. Как ремень безопасности в кабине — держит не за ноги, а за весь корпус.

Он включил ночник и снова взялся за карандаш. Рисовал долго — час, может, два. Линии ложились на бумагу криво, пальцы немели от напряжения, но чертеж проступал. Он рисовал корсет из плотной ткани с ребрами жесткости из алюминиевых полос. Спереди — широкая застежка на липучках, чтобы можно было затянуть. Сзади — шарнирное соединение с несущей стойкой протеза. Нагрузка будет распределяться не на культю, а на тазовые кости. Таз — прочная штука, он держит вес тела в любом положении. Если закрепить протез на тазу, культя будет просто балластом — болтаться внутри корсета без нагрузки.

Это была безумная идея. Но в два часа ночи все идеи кажутся гениальными. Утром они обычно тускнеют, но эта не потускнела.

Через три дня у него были все детали для первого протеза. Он раздобыл их где только мог. Велосипедный тормозной тросик — его принес Василий, у которого был велосипед «Урал» и целый ящик запчастей. Старый пластиковый поднос из столовой — его отдала Леночка, когда он сказал, что хочет сделать себе столик для чтения. Кусок фанеры от упаковочного ящика из-под лекарств — нашел на заднем дворе во время «прогулки» (его вывезли на каталке подышать воздухом, и он углядел фанеру у мусорных баков). Ремни от старых больничных носилок — они валялись в кладовке, и Зинаида разрешила взять.

Он работал каждый день. Утром — обязательный укол и завтрак, потом он подтягивался на руках, садился в кровати, раскладывал инструменты и начинал мастерить. Руки болели, спина затекала, пальцы покрылись мозолями от работы с пассатижами. Но он продолжал. Это было единственное, что имело смысл. Единственное, что не давало ему смотреть в потолок и думать.

Он сделал искусственную стопу из фанеры. Выпилил лобзиком (лобзик принес Василий — старый, ручной, со сломанной ручкой) грубую форму, напоминающую человеческую ступню, обмотал ее резиной от велосипедной камеры и закрепил на конце несущей трубки. Стопа была тяжелой и некрасивой, но когда он поставил ее на одеяло и нажал сверху рукой, она выдержала вес.

Коленный шарнир он доработал — добавил ограничитель хода из куска проволоки, чтобы нога не переразгибалась назад. Это было важно: если колено переразогнется, он упадет. Он хорошо знал физику падения — за два года лежания он много думал о том, почему люди падают. Центр тяжести смещается, опора уходит, и ты летишь вниз. У него не было права на падение. Каждое падение могло стать последним — перелом шейки бедра для лежачего больного это приговор, как сказал профессор.

Корсет он сшил вручную. Иголку и нитки дала Зинаида — у нее в ординаторской была швейная коробка. Он сидел в кровати, согнувшись, и шил плотную ткань, прокалывая пальцы иголкой, ругаясь, но шил. Стежки были неровными, ткань морщилась, но конструкция держалась. Он вставил в корсет алюминиевые ребра жесткости, закрепил их винтами. Спереди пришил широкую липучку — ее оторвал от старого больничного бандажа, который валялся в тумбочке.

Через неделю протез был готов. Он лежал на кровати — нелепый, угловатый, похожий на скелет доисторического животного, собранный из мусора. Он был уродлив, но он был.

Виктор смотрел на него и чувствовал странное — почти забытое за два года — волнение. Такое же, как перед первым самостоятельным вылетом. Тогда, сорок лет назад, он стоял на взлетной полосе, смотрел на учебный Як-18 и боялся. Боялся, что не справится, что машина его не послушается, что он окажется плохим пилотом. А потом сел в кабину, взялся за штурвал — и страх ушел. Остался только он и небо.

Сейчас неба не было. Была больничная палата, казенный линолеум и железная кровать. Но страх был тот же самый.

Он решил испытывать протез в воскресенье. В воскресенье было меньше персонала, меньше посторонних глаз. Если он упадет, никто не увидит позора. Если получится — никто не украдет триумф. В воскресенье дежурил Василий, и Виктор попросил его помочь.

— Значит так, — сказал он. — Я надену эту штуку, попробую встать. Ты стоишь рядом и держишь меня за плечи. Если я падаю — хватаешь. Понял?

Василий кивнул. Он был крупным мужиком с руками, как две кувалды, и если бы он схватил — не вырвешься. Это успокаивало.

— Только давай без геройства, — сказал Василий. — Если чо, сразу назад в койку.

— Договорились.

Он надевал протез почти час. Сначала натянул корсет на таз — он сидел плотно, впивался в ребра, но держался. Потом затянул липучки — так туго, что перехватило дыхание. Потом вставил культю в приемную гильзу (это был просто пластиковый стакан, вырезанный из подноса, обитый внутри старой фланелью, чтобы не натирало) и зафиксировал ремнями. Культя не доставала до дна стакана — слишком короткая, — но это было не важно: нагрузка шла на таз, а не на культю.

Левая нога — точнее, то, что от нее осталось — онемела в тесном корсете. Правая пока была свободна: второй протез он еще не доделал. Для первого испытания он решил использовать один протез, а с другой стороны опираться на костыль.

— Готово, — сказал он Василию. — Давай.

Василий подошел, обхватил его за плечи. От санитара пахло табаком и карболкой. Виктор уперся руками в матрас, подтянулся, свесил ноги с кровати. Вернее, одну ногу и один протез. Протез стукнул о линолеум с глухим деревянным звуком. Фанерная стопа стояла на полу — криво, но стояла.

— Давай потихоньку, — сказал Василий. — Не спеши.

Он не спешил. Он сидел на краю кровати минуту, может, две. Дышал глубоко, как перед взлетом. Потом уперся левой рукой в плечо Василия, правой — в костыль, и начал подниматься.

Мир качнулся. Центр тяжести сместился туда, где его не было два года. Вестибулярный аппарат, привыкший к горизонтальному положению, взбунтовался — в глазах поплыло, затошнило. Он замер, пережидая головокружение.

— Нормально, — сказал он, хотя ничего нормального не было. — Держишь?

— Держу.

Он перенес вес на протез. Корсет впился в таз, алюминиевая стойка напряглась, шарнир скрипнул. Он стоял. Он стоял на одной искусственной ноге и на одном костыле, вцепившись в плечо санитара, и это было самое вертикальное положение, которое он занимал за последние два года.

Потом протез соскользнул. Просто взял и ушел в сторону — гильза провернулась на культе, корсет сместился, и вся конструкция сложилась, как карточный домик. Он рухнул на Василия, и они оба повалились на кровать — Виктор сверху, Василий снизу, — и кровать жалобно застонала.

— Твою мать, — сказал Василий. — Ты чуть мне ребра не сломал.

— Извини.

Они лежали на кровати — один на другом, — и Виктор чувствовал, как внутри закипает ярость. Не на протез. Не на Василия. На себя. На свою беспомощность, на короткие культы, на глупую надежду, которая заставила его поверить, что он сможет. Профессор был прав. Никак. Невозможно. Смириться.

— Давай еще раз, — сказал он.

— Чего? — Василий выбрался из-под него и уставился круглыми глазами. — Ты ж упал.

— Я упал, потому что гильза провернулась. Нужно затянуть крепление сильнее. У тебя есть ремень с пряжкой?

— Откуда?

— Поищи. Может, в кладовке.

Василий ушел и вернулся через полчаса с автомобильным буксировочным ремнем — грязным, в мазуте, но прочным, как трос. Виктор разрезал его ножницами на полосы (ножницы пришлось просить у Зинаиды, и он сказал, что хочет вырезать статью из журнала), пробил отверстия гвоздем и сделал дополнительное крепление — ремень обхватывал таз и притягивал корсет к телу с такой силой, что ребра трещали.

Второе испытание состоялось через три дня. На этот раз он устоял. Простоял целых десять секунд, держась за плечо Василия, а потом медленно, контролируя каждое движение, опустился обратно на кровать. Упал он уже сидя — просто рухнул на матрас без сил, мокрый от пота, с дрожащими руками.

— Получилось, — сказал он. — Я стоял.

— Ну, стоял, — согласился Василий. — Только это... не ходил же.

— Пойду. Дай время.

Время было единственным ресурсом, которого у него было в избытке. Дни шли за днями, дождь за окном сменялся снегом, снег таял, за окном начиналась весна, а он продолжал работать.

Он усовершенствовал крепление гильзы. Культя проворачивалась, потому что нагрузка шла под углом. Он переделал схему: теперь основная опора приходилась не на конец культи, а на седалищный бугор — ту кость, на которой мы сидим. Он вырезал в пластиковом стакане специальное углубление, выложил его поролоном от старой подушки, и теперь вес тела приходился на эту точку. Культя просто болталась внутри, не принимая участия в процессе. Это решило проблему.

Коленный шарнир доработал трижды. Первая версия была слишком свободной — нога болталась. Он добавил пружину от авторучки, чтобы имитировать сопротивление мышц. Пружина была слабой и сломалась на третий день — он заменил ее резиновым жгутом от эспандера, который принесла Леночка. Эспандер был ее собственный — она занималась фитнесом по утрам, — но отдала без разговоров. Она вообще многое понимала без слов, Леночка. Молодая, двадцать три года, только после медучилища, но глаза умные. Иногда она садилась рядом и смотрела, как он работает, и ничего не говорила. Это было лучшее, что можно было сделать — просто сидеть и молчать.

Стопа тоже требовала доработки. Фанера треснула на четвертый день — он заменил ее на текстолит, найденный Василием на свалке у радиозавода. Текстолит был тверже и прочнее, но обрабатывать его было трудно — он крошился под пилкой и вонял формальдегидом. Виктор работал в марлевой повязке (еще один подарок Зинаиды), и запах все равно пробивался, вызывая головную боль.

Он сделал вторую стопу и прикрепил к ней резиновую накладку от старого ботинка. Ботинок отдал Василий — сказал, что ему все равно жмут. Размер был сорок третий, на два больше, чем нужно Виктору, но для протеза это было неважно.

Теперь у него были два протеза. Две алюминиевые стойки с коленными шарнирами, два пластиковых стакана-гильзы, два корсета из плотной ткани с ребрами жесткости. Два искусственные стопы, обмотанные резиной. Два года он смотрел на пустоту под одеялом. Теперь там было железо.

Он попробовал встать на оба протеза в середине апреля. За окном цвели яблони в больничном саду — он видел их белые шапки через окно, — и воздух пах весной и мокрой землей.

Он сидел на краю кровати, Василий держал его под мышки, и он впервые за два года перенес вес на обе искусственные ноги.

Они держали. Корсеты впивались в таз, как клешни, ремни резали кожу, шарниры скрипели, но конструкция держала. Он стоял.

Мир качался, как палуба корабля в шторм. Мышцы спины, отвыкшие от вертикальной нагрузки, дрожали и ныли. Пот заливал глаза. Но он стоял.

— Отпускай, — сказал он Василию.

— Ты чо? Упадешь.

— Отпускай. Я должен попробовать сам.

Василий разжал руки. Медленно, неохотно, как медведь, отпускающий добычу. Виктор остался один.

Он стоял. Сам. На двух искусственных ногах, собранных из больничного мусора, велосипедных запчастей и старой фанеры. Он стоял и смотрел в окно на яблоневый цвет, и по его лицу текли слезы.

— Ты плачешь, — сказал Василий.

— Нет, — сказал Виктор. — Это от напряжения.

Это было вранье, и они оба это знали.

Он простоял три минуты. Потом колени подогнулись — не искусственные, свои, настоящие, которые остались, — и он рухнул на кровать, тяжело дыша и смеясь. Он смеялся впервые за два года. Смех был хриплым, лающим, похожим на кашель, но это был смех. Василий смотрел на него и улыбался, и улыбка у него была глупая и растерянная.

— Ты гляди, — сказал он. — А профессор говорил — никак.

— Профессор не пилот, — ответил Виктор. — Он не знает, что такое посадить самолет без двигателя.

На следующий день он попробовал сделать шаг. Это оказалось намного труднее, чем стоять. Когда ты стоишь, ты просто держишь равновесие — как на крыле самолета, статика. Но шаг — это динамика, это падение, которое ты контролируешь. Ты переносишь вес вперед, теряешь равновесие и ловишь его в последний момент, выставляя ногу. Его искусственные ноги не умели ловить равновесие — они просто гнулись в шарнирах, подчиняясь законам физики, но без обратной связи. Он не чувствовал стоп. Он не чувствовал, куда наступает. Мозг посылал сигнал: «Сделай шаг», — но сигнал уходил в пустоту, как радиogramма на выключенный приемник.

Он упал. Потом еще раз. И еще. Василий каждый раз ловил его, но один раз не успел — Виктор рухнул на пол, ударился плечом о тумбочку и разбил нос в кровь. Кровь капала на линолеум, смешиваясь с пылью, и он лежал на полу и думал: «Вот так. Вот так ты умрешь. На больничном линолеуме, в луже собственной крови, с пристегнутыми ногами из мусора».

Василий поднял его, уложил на кровать, вытер кровь полотенцем. Руки у санитара дрожали.

— Может, хватит на сегодня? — спросил он.

— Принеси лед, — сказал Виктор. — И дай пять минут.

Через пять минут он снова стоял. Нос распух, кровь запеклась на верхней губе, плечо ныло. Но он стоял. И сделал шаг. Один. Потом второй. Потом упал снова.

К концу апреля он научился делать три шага. Три шага от кровати до окна. Три шага, которые занимали у него две минуты и отнимали все силы. После них он лежал пластом час, не в силах пошевелить рукой. Но это были шаги. Настоящие, вертикальные, человеческие шаги — пусть неуклюжие, как у робота, пусть медленные, как у столетнего старика, но шаги.

Леночка увидела это первой. Она вошла в палату с утренним уколом, а Виктор стоял у окна. Просто стоял, держась за подоконник, и смотрел на улицу. Она уронила шприц.

— Виктор Сергеевич... — прошептала она. — Вы... вы стоите.

— Стою, — сказал он, не оборачиваясь. — И даже хожу. Три шага.

— Но как? Врачи же сказали...

— Врачи много чего говорят. А вы говорили, что герань не зацветет в этом году. Посмотрите на подоконник.

Герань цвела. Мелкие розовые цветы тянулись к весеннему солнцу, и пахло от них детством, Подольском, бабушкиной квартирой. Леночка заплакала. Она плакала беззвучно, вытирая глаза рукавом халата, и Виктор подумал, что за два года он видел слишком много женских слез. Но эти были другие — не от жалости, а от радости. Это была разница.

Новость разнеслась по больнице быстро. Зинаида пришла посмотреть и покачала головой: «Чудеса». Петр Иванович, лечащий врач, явился через день — с круглыми глазами, со снимками, с линейкой. Он измерил культы, пощупал протезы, цокал языком, бормотал что-то о «недопустимом риске» и «нарушении медицинских протоколов», но в глазах у него горел профессиональный интерес. Он не мог понять, как это работает. Не должен был работать. Но работал.

— Вы должны это запатентовать, — сказал он. — Это новая схема протезирования.

— Мне не нужен патент, — ответил Виктор. — Мне нужно ходить.

— Но это же научное открытие! Вы понимаете, что вы сделали? Вы создали протез для случаев, которые считались безнадежными!

Виктор посмотрел на свои ноги — на алюминиевые стойки, на пластиковые гильзы, на корсеты с липучками. Это было не научное открытие. Это была работа. Просто работа, которую он делал день за днем, потому что ему больше нечего было делать.

— Я просто хочу ходить, — повторил он. — И летать.

Петр Иванович замолчал. Летать. Это слово прозвучало в больничной палате, как запретное заклинание. Никто не говорил о полетах вслух — это казалось слишком дерзким, почти кощунственным. Человек без ног не может летать. Это было очевидно, как то, что вода мокрая, а небо синее. Но Виктор сказал это, и слово повисло в воздухе, пахнущем хлоркой и геранью.

Он еще не знал, как именно будет летать. Знал только, что педали управления — это главная проблема, и что ее придется решать так же, как он решал проблему протезов. Методом проб и ошибок. Методом «а что, если попробовать так?». Но это будет потом. Сначала — ходить. Сначала — научиться делать не три шага, а десять. Двадцать. Сто.

Он смотрел в окно на яблоневый цвет и думал о небе. Где-то там, за облаками, летели самолеты — обычные рейсовые борты с пассажирами, которые не знали, какое это чудо — просто лететь. Он знал. И он вернется.

Даже без ног.

Три шага и пропасть

К маю он ходил. Это было громко сказано — «ходил». То, что он делал, больше походило на медленное, мучительное перемещение в пространстве, на неуклюжий танец марионетки, у которой кукловод страдает болезнью Паркинсона. Он держался за стены, за спинки кроватей, за плечо Василия. Он останавливался каждые три шага и стоял, покачиваясь и хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Но он передвигался. Вертикально. На двух искусственных конечностях, которые гремели и скрипели при каждом движении.

Больничный коридор стал его первым аэродромом. Сто метров от палаты до ординаторской, покрытые все тем же советским линолеумом — вытертым до дыр в центре и темным по краям, куда не дотягивалась швабра. Он проходил эти сто метров за сорок минут. Это был его личный марафон. Его Эверест. Его Бермудский треугольник, в котором пропадали силы, надежды и остатки гордости.

— Давай, Викторыч, еще немного, — подбадривал Василий, шагая рядом с ним как конвоир. — До угла дошел. Теперь обратно.

Обратно было хуже, чем туда. Туда он шел к цели — к ординаторской, где можно было сесть в кресло и выпить чаю. Обратно цели не было. Была только палата с белым потолком, который он ненавидел теперь еще больше — потому что знал, что есть альтернатива. Альтернатива была тяжелой, болезненной, унижительной, но она была, и это делало белый потолок невыносимым.

Мышцы болели постоянно. Он открыл для себя новый вид боли — не ту резкую, как при ампутации, и не фантомную, которая приходила по ночам, а тупую, хроническую, глубинную, которая жила в тазу и в пояснице и никуда не уходила. Его тело не было предназначено для ходьбы на протезах с корсетным креплением. Тазобедренные суставы работали под неестественными углами. Позвоночник изгибался, компенсируя отсутствие нормальной опоры. Каждый шаг отдавался в ребрах, в лопатках, в шее. Он пил анальгин горстями, запивая холодным чаем, но анальгин не помогал. Помогало только движение. Парадокс: чем больше он ходил, тем меньше болело. Если он лежал день, боль возвращалась и становилась невыносимой.

Тело училось заново. Это было странное чувство — наблюдать, как организм, который ты считал безнадежно сломанным, вдруг начинает адаптироваться. Мозг прокладывал новые нейронные дорожки — как объезд вокруг разрушенного моста. Вестибулярный аппарат перенастраивался. Руки, которые раньше были просто руками, теперь становились балансирами — он научился размахивать ими при ходьбе, как канатоходец шестом, и это помогало удерживать равновесие. Когда-то, сто лет назад, он учился ходить в младенчестве — и не помнил этого. Теперь он учился заново, и каждое движение было осознанным, вымученным, выстраданным. Ребенок просто падает и встает, не думая о биомеханике. Он думал. Он разложил ходьбу на составляющие — перенос центра тяжести, сгибание коленного шарнира, отталкивание стопой, мах бедра, — и собирал ее заново, как разбившийся самолет.

Протезы ломались постоянно. Он чинил их каждый вечер, сидя на кровати с пассатижами и отверткой. Коленный шарнир разбалтывался. Стопа трескалась. Ремни растягивались. Липучки переставали держать. Корсет натирал кожу до кровавых мозолей, и Леночка каждый день меняла повязки, качая головой.

— Вы себя угробите, Виктор Сергеевич, — говорила она. — Посмотрите, какая кожа. Сплошная рана.

— Заживет, — отвечал он. — У меня всегда все заживает.

Это было не совсем правдой. Культи не заживали толком с момента ампутации — кожа на них была тонкая, синюшная, склонная к пролежням. Но он не обращал внимания. Боль

была просто сигналом, как лампочка на приборной панели, — индикатором того, что система работает на пределе. Он привык к таким сигналам. В авиации пределы — это норма.

Однажды утром он дошел до конца коридора и не остановился. Он повернул к лестнице. Это было глупо — лестница означала ступеньки, ступеньки означали падение, падение означало смерть. Но он стоял перед первой ступенькой и смотрел вниз, в пролет, где на площадке курил санитар из реанимации. Тот поднял голову, увидел Виктора на протезах и выронил сигарету.

— Ты... это... как ты?..

— Ногами, — сказал Виктор. — Уже лучше, чем вчера.

Он спускался по лестнице двадцать минут. Держался за перила обеими руками, ступенька — пауза — ступенька — пауза. Пот градом катился по лицу, капал на линолеум, оставляя темные дорожки. Санитар стоял внизу и смотрел с открытым ртом, боясь пошевелиться. Когда Виктор достиг площадки, он сел прямо на ступеньку и закрыл глаза. Сердце колотилось, как бешеное. Но он спустился. Сам. Без посторонней помощи.

— Тебя ж врачи убьют, — сказал санитар.

— Пусть сначала догонят, — ответил Виктор.

Теперь он ходил везде. По коридору, по лестнице, по больничному двору, когда позволяла погода. Василий выносил во двор стул, садился на него и курил, наблюдая, как его пациент наматывает круги вокруг клумбы с бархатцами. Другие больные — те, кто мог ходить, — останавливались и смотрели. Кто-то крестился. Кто-то качал головой. Одна старушка из терапии сказала: «Боженька помогает». Виктор не стал спорить — может, и Боженька, — но сам он думал, что ему помогает алюминий и злость.

Злость была хорошим топливом. Она сгорала ровно, без перебоев, давая энергию, когда мышцы отказывали. Он злился на врачей, которые сказали «никак». На профессора с его золотыми очками и бархатным голосом. На жену, которая ушла. На детей, которые стеснялись. На самого себя — за то, что два года смотрел в потолок и верил им. Два года. Семьсот тридцать дней. Семнадцать тысяч пятьсот двадцать часов. Их не вернуть. Но следующие часы — его.

К концу мая он ходил без поддержки. Недалеко — метров пятьдесят, не больше, — но сам. Протезы гремели, как ведро с болтами, походка была дерганой, роботизированной, ненатуральной. Но он шел. И когда он шел по коридору, встречные прижимались к стенам, как перед грузовиком.

Петр Иванович выписал его в начале июня — с формулировкой «для продолжения реабилитации в амбулаторных условиях». Это означало, что больница сделала все, что могла, и теперь он должен был справляться сам. Ему дали направление в санаторий для инвалидов, где были пандусы и поручни и где такие, как он, доживали свой век, глядя в телевизор. Он положил направление в тумбочку и забыл о нем.

Вместо санатория он снял квартиру. Деньги были — за два года скопилась пенсия, плюс страховая выплата от авиакомпании, которую он не тратил, потому что в больнице тратить было не на что. Квартира была на первом этаже хрущевки, с низкими потолками и запахом кошачьей мочи из подъезда. Но в ней была дверь без порога, и это было главное. Он мог войти и выйти сам.

В первый день в квартире он сел на табуретку и заплакал. Не от радости — от усталости. От того, что он один. От того, что стены чужие и пахнут чужими людьми. От того, что он не знает, что делать дальше. Ходить он научился — но зачем? Чтобы ходить по этой квартире? Чтобы смотреть в этот потолок?

Он просидел так час, потом вытер лицо, взял костыли и вышел на улицу. Шел просто так, без цели — мимо гаражей, мимо помойки, мимо старух на лавочках, которые провожали его взглядами. На углу стоял ларек с запчастями для велосипедов, и он купил там новую тормозную рубашку и пучок тросиков. Просто чтобы что-то купить. Чтобы руки были заняты.

Вечером он разложил на кухонном столе свои инструменты и начал делать третий протез. Вернее, вторую версию протеза. Первая была учебной — она показала, что принцип работает. Вторая была рабочей — на ней он ходил. Третья должна была стать настоящей. Такой, чтобы можно было не просто ходить, а жить.

Он заменил алюминиевые стойки на титановые трубки — их он заказал через интернет в магазине медицинского оборудования, потратив почти всю страховку. Титан был легче и прочнее. Коленный шарнир он переделал полностью: теперь это был микропроцессорный блок от списанного немецкого протеза, купленный на eBay за бесценок. Блок был сломан, но Виктор разобрал его, перепаял контакты (паяльник он купил в хозяйственном) и заставил работать. Немецкие инженеры, наверное, перевернулись в гробу, увидев, что русский пилот без инженерного образования сделал с их детищем. Но блок работал. Он анализировал походку и подстраивал сопротивление в шарнире в реальном времени. Теперь нога не просто сгибалась — она «думала», когда сгибаться, а когда блокироваться.

Стопу он сделал из карбона. Карбоновую пластину подарил ему Василий на прощание — сказал, что нашел на свалке авиаремонтного завода. Виктор не стал спрашивать, что Василий делал на свалке авиаремонтного завода. Пластина была от обшивки списанного Ту-154 — того самого типа самолета, на котором он летал. Он держал ее в руках и чувствовал странное родство с этим куском углепластика. Когда-то они оба были частью чего-то большого и летающего. Теперь оба лежали на кухонном столе, разрезанные на куски, и ждали новой жизни.

Карбоновая стопа пружинила при ходьбе. Она была не просто опорой — она накапливала энергию при касании и отдавала ее при отталкивании, как настоящая нога. Это изменило походку. Исчезла деревянная неуклюжесть, появилась плавность. Он все еще ходил как робот, но теперь это был робот из будущего, а не из фильма ужасов пятидесятих годов.

Корсет он перешил заново, используя дышащую ткань и гелевые прокладки. Гелевые прокладки были его собственным изобретением: он залил силиконовый герметик в пластиковые пакеты, дал застыть и пришил к внутренней стороне корсета. Получилось мягко и не натирало. Знал бы профессор из центра протезирования — его бы удар хватил. Но профессор не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.